Янина ЖЕЛТОК

КОФЕ ПОД ДОЖДЕМ

Дело даже не в том, что мы пили кофе под дождем. Мы пили его на фоне моря. Летом в Одессе. После урагана, когда с морем все еще происходило что-то невероятное.

Уже месяц я жила в Одессе, но еще ни разу не купалась в море. Июнь выдался теплым и дождливым. Дел было много, а вот компании для морских прогулок все не находилось. Тут возникла Ника. Я сказала комплимент по поводу ее загара, а Ника ответила:

— Я каждый день бываю на море. Море ведь самое лучшее, что есть в Одессе. Ты вот на каком пляже купаешься?

— Вообще-то, так получилось, что ни на каком, — смутилась я.

— Как... — миссия Ники на сегодняшний день была определена, — купальник у тебя есть?

Купальник у меня имелся, и очень красивый, он спокойно лежал на дне чемодана, уверенный, что его час вот-вот наступит.

По дороге мы рассказали друг другу великое множество знойных историй из жизни. Я узнала между прочим, что Ника влюблена, и это тот самый повод, ради которого она так усердно загорает и плавает.

— Я все время хочу говорить с ним, а он, он почему-то не звонит, — вздыхала Ника.

Море было теплым и густым, как кисель. Плыть было чудесно, и я пожалела, что не ходила купаться каждый день.

— Какой восторг! — кричала я.

Ника плыла и широко улыбалась.

Она была художницей и даже на пляж брала коробку карандашей. Мы решили нарисовать портреты друг друга. И только мы закончили и поменялись листами, — пара мелких капель упала на мой портрет. Я подняла глаза и увидела, что с морем происходит что-то необыкновенное.

Море начало менять цвета. Из темно-синего оно превратилось в зеленое с сиреневыми лентами волн. Казалось, оно прошло через компьютерный фильтр, чтобы стать таким контрастным. Небо наполнилось темным ультрамарином и выпустило из себя чернильные нити прямо в воду.

Зонтики улетали от хозяев, девушки заворачивались в накидки. На берегу поднялась суета.

— Нет, я не могу, я позвоню ему сейчас! — кричала Ника.

— Звони, я хочу его увидеть! — мне и правда было интересно увидеть мучителя Ники. Человека, которого мы успели прозвать Главным Хирургом.

— Какого цвета у вас море? — говорила Ника в трубку. — А у нас зеленое с фиолетовыми полосками. Моя подруга Желток хочет познакомиться с тобой! Давай! Давай! — отвечала она.

Оказалось, Главный Хирург только что пришел на соседний пляж. Мы встречались через пять минут.

Последние из храбрых собирали полотенца и убегали с пляжа, носившего имя Отрада. Только две фигуры в белых футболках и шортах не спешили исчезать. Их белые одежды светились на фоне бушующего моря. Оба высокие и загорелые, они узнали нас издалека, замахали руками и даже пару раз подпрыгнули в воздух. Это был Главный Хирург и его товарищ.

Над горизонтом зажигались ломаные стрелы. Большой корабль с парусами боролся с ураганом недалеко от берега.

— Это Владимир, это Тимофей, — сказала Ника. — Плывем!

Мы зашли в море вчетвером. Мы плыли среди огромных соленых волн, под дождем и под градом из маленьких льдинок.

"Кто из них Владимир, а кто Тимофей? — промчалось в моей голове. — Наверное, Главный Хирург — тот, что постарше. Второй слишком кудрявый, молодой, и даже похож на девочку. Нет, он не может быть мучителем!"

Но тот, что был старше и серьезнее, тот, в ком я признала Главного Хирурга, все время держался рядом со мной!

Дождь не переставал, когда мы с Никой и одним из ребят оказались под навесом. Здесь лежали лодки, большие желтые зонты и шезлонги.

Море и небо сделались серыми, было похоже, что все краски слились в воду, и теперь отдыхают там на дне. Парусник отошел к горизонту.

Новый приятель нес наши рюкзаки и вещи друга, который уплыл в сторону корабля.

— Послушай, Ника, кто из них Главный Хирург? — шепнула я на ухо Нике.

— Неужели ты не понимаешь?!

Рядом со мной рослый Тимофей рассказывал про йогу.

— Кто? — снова спросила я Нику.

— Он, — и Ника взмахнула рукой в сторону моря. Кудрявый Вова только что выпрыгнул из бушующих волн. Он бежал и вопил:

— Желток! У тебя фиолетовые губы!

— Ты гад, Вован, — ответила я.

— Фиолетовые губы, — дразнился Главный Хирург. Он прыгал то на одной, то на другой ноге, и мотал головой, как промокший пес.

Я дрожала под моим полотенцем.

Оказалось, летом на море можно замерзнуть.

— Надо выпить горячего кофе! — сказал йог Тимофей. — Идем, Володя!

И вдруг они оба умчались, шлепая по лужам.

— Ну, и где они найдут это кофе? — стучала зубами я.

Ника растирала меня полотенцем и рассказывала про городок, из которого приехали наши приятели. Про заводы и шахты, бедность и безнадегу.

Я отвечала, что они симпатичные, и меня совершенно не волнует их родной город. Потому что... Потому что я кое-что знаю про города. И кое-что про мужчин. В большом городе так непросто найти свое счастье. Шахты — шахтами. Счастье — счастьем.

Юлия СЕДОВА

ГЕРОЙ

По изогнутым линиям рельсов громыхал допотопный трамвай. Надрываясь, брюзжа, кряхтел он, переваливаясь своим грузным корпусом, словно одряхлевший бродяга, которому пора на покой. Пассажиры, сменяясь, как калейдоскопные картинки, непрестанно заполняли содержимое изможденного вагона. Словно мулы, нагруженные увесистым скарбом, влезали они, бесцеремонно расталкивая друг друга. Среди прочих протиснулся и пожилой господин, вернее, его протолкнули туда тележкой. Он был довольно неприметного вида, впрочем, немудрено, старики мало отличаются друг от друга. Потрепанное серое пальтишко, фасоном, бывшим в моде в 50-х годах, прогнувшаяся фетровая шляпа неопределенного темно-зеленого оттенка, утратившая былую форму, и ветхая деревянная коричневая трость с поцарапанным набалдашником. Столь незамысловатый облик дополняла непритязательная внешность старика, отталкивающая своей приевшейся банальностью, — обветренное красное лицо, сморщенный нос, серебро, проглядывающее на поредевших висках, глубокие морщины, прорезающие высокий лоб, и неэстетичная сетка у глаз.

В беспросветной толчее плотного сгустка тел стоял он, прижатый к поручню, нагретому солнцем, и застывшим взором наблюдал картину происходящего из окна трамвая. На фоне застольной музыки Привоза две взлохмаченные фурии, столкнувшись в непримиримой перебранке, бурно выясняли отношения, прокуренным басом осыпая друг друга нелицеприятной бранью.

Наполнившись до отказа, вагон, чуть качнувшись, тронулся в путь. Опершись одной рукой об изголовье пассажирского сиденья, а другой крепко стиснув трость, старик едва балансировал под напором довлеющей позади массы. Духота нестерпимая! Воздух в вагоне, казалось, был разделен на скудные порции, которых едва хватало на всех. Подобно бдительным конвоирам, сопровождающим арестанта, старика обступили две красные косынки. Они с горячностью обсуждали новые тарифы, сетуя на произвол властей. Господин молча сдерживал их беспощадный натиск, но стойко держался, безропотно покоряясь своей незавидной участи. Отсрочив ненадолго свою злободневную дискуссию, косынки с неистовым негодованием обрушились на молодую девушку, что незаслуженно заняла место.

— Молодая, могла бы и постоять! — несменяемое старушечье назидание.

Не желая пререкаться с почтенными дамами, молодая особа, цепляясь о поручень, с трудом поднялась с места, продемонстрировав свой округлившийся живот. Пристыженные косынки, побагровев, замерли, нерешительно отстранившись, уступая девушке место в проходе. Особа в деликатном положении, воспользовавшись поддержкой отзывчивого студента-волонтера, спустилась с подмостков трамвая, увлекая за собой добрую половину путешествующих. Старик, согнувшись, опустился в освободившееся место. Раздался предупредительный клич кондуктора, призывающий к совестливости граждан. Старик, оживившись, сунул трясущуюся руку во внутренний карман пальто, и немного пошарив, предъявил пенсионный. Кондуктор, одобрительно кивнув, двинулся дальше, ловко лавируя, словно канатоходец, по дребезжащему трамваю.

Сдвинув шляпу на брови и зажав трость между коленями, старик вперил свой неподвижный взор в окно. Дома, улицы, машины, люди — все мелькает, смешивается. Зрение утомлено. Веки тяжелеют, смыкаются. В полудреме в трясущемся вагоне, в толкотне, в непроницаемой толще человеческого, бренного, старик засыпает.

Из тугой туманной пелены раздается неясный нарастающий гул, похожий на раскаты грома. За ним следует озлобленный дикий взрыв, потом еще один. Это не похоже на содрогание вагона, это глас памяти, взывающий из самых недр. Гулкие, резкие, пронзительные звуки сменяются свистом, отрывистым, теряющимся в монотонном эхе.

Но это не свирепствование стихии, это неумолимое противоборство вражды, хаоса, горнило страха и непримиримой ненависти, нескончаемая тирада огня, адская машина смерти, мук, терзаний, невыразимой боли. Наконец, пальба смолкает. Все вокруг окутано густым черным дымом. Истончаясь в воздухе, едкий дым понемногу рассеивается, и сквозь него проступают унылые очертания голого, безжизненного, обожженного клочка земли, одинокого затерянного островка, испещренного жуткими руинами. Нестерпимое зрелище, вертеп исковерканных обугленных тел, разбросанных по земле, как тряпичные куклы. Почерневшая плоть, обагренная кровью. Тлетворное жалкое месиво, что стенает, хрипит, корчится, безнадежно взывая о помощи. Отчаянный вопль, обращенный в безызвестность. Некому откликнуться. Лишь пустота, бесконечность, астральная пустота — и Бог, который им не внемлет.

Тщеславная, жестокосердная, мстительная человеконенавистница, убийца, безбожница, закоренелая поборница насилия, бессмысленный противовес мира и милосердия. Она разлучает любимых, смеется над материнскими слезами, обрекая невинных на сиротский удел. Она усаживается в лучшее место, ведь здесь она режиссер, и, устремив на сцену сладострастный взгляд, упивается беспощадным кровопролитием, забавляясь изощренности своего замысла. Она бездушное отродье, и имя ее — Война.

"Но нет, еще не конец!" — твердит человеческая воля. Смрадный закоптившийся воздух по-прежнему наполняет легкие, и пусть с трудом, но ноги еще волочатся, хотя кажутся одеревенелыми. Безжалостная схватка

Галина ХОТИНСКАЯ

"Золотое сердце России"

Об альманахе поэзии "Золотая книга" участников Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе, проходившего в 2001–2011 гг.

Как заметил Теофиль Готье, "Счастливые названья книг труднее подыскать, нежели помыслить".

Название указанной антологии "Золотая книга" многозначно и поэтично. В этом названии и любовь к России, к общей судьбе русских поэтов, и даже собственная родословная русского поэтического зарубежья в XXI веке, создавшего притяжение к поэтическому Слову, обладающему чудесной действенностью. Этот альманах извлек из самых глубин эмигрантской жизни вечный огонь поэтического вдохновения и погрузил душу участников турнира в любовь к поэтическому Слову, напомнив, что поэты — всегда приверженцы Божественной среды. Ведь подлинный стих всегда наполнен Божьим дыханьем, крылатостью, огнем Божественного присутствия, открытием неисчерпаемости возможностей Слова и вдохновения.

И в самом деле, эта книга стала краеугольным камнем поэтического русского зарубежья в XXI веке. Ведь на этот праздник "Золотой книги" съехались поэты из Австралии, США, Израиля, России, Украины и всех уголков Германии.

Ведь поэзия для четвертой волны эмиграции — это защита и очищение души от скверны внешнего мира, способ на высшем уровне осмыслить и объяснить душевную смуту и разноголосицу общественной жизни России, Германии и всего мира. Ведь многих эмигрантов в отрыве от отечества охватило разочарование от несбывшихся иллюзий, Поэзия спасла их от тотальной безысходности. Не следует забывать, что путь большинства участников мировых поэтических турниров протекает в стороне от большого пути русской поэзии. Да и четвертая волна литературной эмиграции вступила в литературную борьбу в трудную для мировой поэзии пору. Но, как мудро заметил Дмитрий Быков, "Русский — всегда эмигрант... Эмиграция — ведь это вовсе не обязательно отъезд из страны. Это иногда еще отъезд страны из-под тебя".

Когда-то в 1841 году Александр Герцен написал работу "Дилетантизм в науке", раскрывающую душевную смуту, охватившую человека "промежутка": "Мы живем на рубеже двух миров: оттого особая тягость, затруднительность мысли для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшие мировоззрения потрясены, — но они дороги сердцу, новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плода; первые листы, почки пророчат могучие цветы, но этих цветов нет, и они чужды сердцу. Множество людей осталось без прошедших убеждений и без настоящих. Другие механически спутали долю того и другого и погрузились в печальные сумерки. Люди внешне предаются в таком случае ежедневной суете; люди созерцательные — страдают: во что бы то ни стало ищут примирения, потому что с внутренним раздором, без краеугольного камня нравственному бытию человек не может жить".

Да и окружающий российских эмигрантов в Германии "непоэтичный мир" все настойчивее оживляет в памяти суждение С.П. Шевырева о "веке-торгаше", о том, что "...торговля управляет нашей словесностью — и все подчинено ее расчетам; все произведения словесного мира расчислены на оборотах торговых; на мысли и формы наложен курс... Феб не внемлет звуку металла... только вдохновенье не слушается расчета: оно свободно, как мысль, как душа!". Да и под подмигивающим, леденящем сердце и душу правительственным оком трудно существовать "питомцам муз и вдохновений", тем более в эмиграции, да еще в такой чужой стране, как Германия. Но составители альманаха "Золотая книга" и организаторы турнира постигли нравственное начало русского жизненного уклада — обрести духовное единство на основе поэтического Слова, которое сообщает высокий духовный и этический смысл любой жизни. Они прочувствовали, что лирика для многих эмигрантов не только способ художественного самовыражения, но и способ художественного самопознания и познания мира вокруг себя.

Рафаэль Айзенштадт и Галина Педаховская попытались соединить завещания "Золотого и Серебряного веков" с духовным посткоммунистическим и постмодернистским расколом переживаний в постсоветском литературном пространстве. А это пространство демонстрирует безысходную противоречивость и обособленность индивидуального сознания, привнесенного в постсоветский социум, вытолкнувшего их за рубеж, благодаря современному неокапитализму, ввергнувшему все человечество в глобальную панику и катастрофы глобального масштаба под знаком вечных "проклятых вопросов" об истории и поэтическом предназначении.

Организаторы турнира и создатели альманаха на протяжении десятилетий вносили радость общения в нелегкую эмигрантскую жизнь. Сама идея турниров и альманахов проникнута высокой гуманистической идеей — выстроить гармонические отношения при участии в совместном литературном труде. Конечно, не каждому удавалось выполнить уникальную партию в мировом поэтическом хорале, поскольку, как сказала португальская поэтесса Мари Велю да Кошта, "Настоящий поэт — это золотой шип, вонзенный в спину мира. И его судьба не равнозначна его географии, раздутой улыбающимися жуликами". Составители альманаха "Золотая книга" дали почувствовать особый ритм поэтической речи периода глобализации, четкую членимость текста на стихотворные строки, повышенную эмоциональную насыщенность многих стихотворений и выбрали самое лучшее за десятилетия литературной сортировки.